

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)  
БЗЗ

Halima Bashir, Damien Lewis  
TEARS OF THE DESERT

Перевела с английского  
*Ольга Гришина*

Дизайнер обложки  
*Александр Андрейчук*

Художник  
*Ирина Бабушкина*

Издательство выражает благодарность  
литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency*  
за содействие в приобретении прав

**Башир Х., Луис Д.**

БЗЗ Слезы пустыни : [роман] / Халима Башир, Дэмьен Луис; [пер. с англ. О. Гришиной]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 480 с. — (Серия «Роза ветров. Исповедь»).

ISBN 978-5-907143-42-5

В детстве Халима Башир — первая женщина-врач африканского народа загава — мечтала лечить односельчан, но жизнь сложилась иначе. Нелегкой судьбе бесстрашной и бескомпромиссной женщины посвящен ее роман-исповедь, записанный знаменитым британским журналистом Дэмьеном Луисом.

Колоритные зарисовки деревенской жизни, драматичные эпизоды трудной школьной поры, увлекательные сценки времен университета сменяются ледяными кровью картинами межэтнического конфликта: убийства, истязания, изнасилования, грабежи и горестная судьба беженцев на Западе. Подобное происходило не только с Халимой, но лишь она решилась нарушить молчание.

В октябре 2010-го за правозащитную деятельность Халиме Башир была присуждена премия имени Анны Политковской, но на вручение писательница не смогла приехать из-за угрозы убийства.

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)

- © 2008 by Halima Bashir and Damien Lewis
- © 2009 by Random House, Inc.
- © Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.  
ООО «Издательство Аркадия», 2020
- © Shutterstock

ISBN 978-5-907143-42-5

*Посвящается Мо и Разу.*

*И моему любимому отцу.  
Покойся с миром!*



## ОТ АВТОРА

Это невымышленная история. Она охватывает период от 1979 года, когда я родилась, по сей день. Судан десятилетиями находился в состоянии войны, и Дарфур, мой родной край, пострадал особенно сильно. Я изменила некоторые имена и названия мест, чтобы защитить семью, друзей и общину. Полагаю, объяснять, зачем нужны такие предосторожности, не требуется.

Используй раба, чтобы убить раба.  
*Суданская поговорка*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ  
ДИТЯ ПУСТЫНИ



# 1

## ИМЯНАРЕЧЕНИЕ

Иди ко мне, любовь моя,  
У меня есть песенка для тебя.  
Иди ко мне, любовь моя,  
У меня есть мечта для тебя...

Я шепотом напеваю эту колыбельную моему мальчику, моему крошечному малышу, убаюкивая его на руках. За окном нашей квартиры-клетушки грохочет уличное движение Лондона. Но здесь мы в безопасности, я и он, это маленькое сонное чудо, которое я прижимаю к себе с отчаянной радостью в сердце. И напевая, мыслями я переносусь домой, домой, в мою возлюбленную Африку.

Иди ко мне, любовь моя,  
Я поцелую тебя.  
Иди ко мне, любовь моя...

Эту колыбельную напевала мне вечерами у огня моя милая, кроткая мама. Эту колыбельную пела моя горячая бабуля Сумах теплыми африканскими ночами, когда разрешала себе немного расслабиться и прорывалось наружу сияние ее сокровенной

любви. Эту колыбельную мой чудесный, веселый, умный отец мурлыкал мне на ушко, качая меня на коленях и пропуская пальцы сквозь мои волосы.

Иди ко мне, любовь моя,  
У меня есть улыбка для тебя...

А теперь эту песенку напеваю я — и снова оказываюсь в Африке, окруженная теплом любви и защитой своей семьи. Я напеваю эту песенку, и я снова с моим племенем загава, чернокожим народом Африки, горячим и воинственным и в то же время бесконечно щедрым и радушным к страннику. Я вновь в жарком, пряном, сухом воздухе пустыни, в моей деревне — дитя, облаченное лишь в пыль и счастье, — и жизнь моя поистине волшебна.

Я дома, с моей семьей, с моим народом, в моей деревне, я в Дарфуре.

Дарфур! Я знаю, что для вас это слово насквозь пропитано страданиями и кровью. Что это имя вызывает в воображении чудовищные образы крошечного ужаса и бесконечных бедствий, боли и жестокости, невысказанных для большей части цивилизованного мира. Но для меня Дарфур означает нечто совершенно иное: он был и остается невозместимой, неизмеримой радостью — моим домом.

Иди ко мне, любовь моя,  
У меня есть дом для тебя...

Я пою эту песенку моему мальчику, которому нет еще и года, и размышляю о чуде его рождения — ибо оно дало мне мужество и волю к жизни. Без тебя, говорю я блестящим сонным глазенкам, я бы

покончила с собой из-за всего этого ужаса, всего этого позора. Тьма одолела бы меня, утянула бы вниз, в свой жадный водоворот.

Мы, загава, свирепые, воинственные люди; смерть — насильственную, кровавую и даже смерть от собственной руки — мы предпочитаем бесчестью. В моем племени так было испокон веков.

Иди ко мне, любовь моя,  
Я обниму тебя...

— Знаешь, что такое групповуха? — Лицо солдата — маска ненависти, глаза впритык к моим, дыхание смердит.

— Думаешь, если ты докторица, то знаешь толком, что такое групповуха?

Второй солдат набрасывается на меня, придавливает к полу.

— Мы тебе покажем, что такое групповуха, сука черномазая!

— Возомнила, что можешь иностранцам лекции читать о групповухе?! — орет третий. — Уж поверь — ни хрена ты не знаешь. Зато мы на это дело мастера...

— А как наиграемся с тобой, может, и не прикончим, — изрыгает первый. — *И вот тогда* иди себе и болтай об этом всему миру...

Я пытаюсь отгородиться от воспоминаний, но порой ничего не получается и прошлое наваливается на меня, темное, удушливое, смердящее и злобное. Я по-прежнему вижу их лица, даже сейчас, словно все случилось вчера. Налитые кровью глаза, воспаленные от ненависти и похоти. Седоватая щетина.

Нечистое дыхание, вонь застарелого пота и нестираных мундиров. Блеск клинка, когда один из них пытается срезать с меня брюки. Я с яростью брыкаюсь, метя ему в пах. Он вскрикивает от боли, приходит в себя и всаживает нож мне в бедро — мучительная боль от удара клинком и смертельная тяжесть, обрушивающаяся на мои связанные руки.

Иди ко мне, любовь моя,  
У меня есть жизнь для тебя...

Я прижимаю сынишку к своему колотящемуся, испуганному сердцу. Это ты дал мне жизнь, волю к жизни, мужество продолжать. И благодаря тебе — и бесчисленным другим женщинам и детям, не сумевшим выйти живыми из этого кошмара, — я сейчас сяду за стол в нашей крошечной комнатке-спальне и, пока ты безмятежно спишь, начну записывать свою историю.

Иди ко мне, любовь моя,  
У меня есть сказка для тебя.

Меня зовут Халима. Вы должны запомнить мое имя, ибо это важно. Это важно потому, что его дал мне отец через семь дней после моего рождения на деревенской церемонии имянаречения. В некотором смысле отец провидел будущее, поскольку нарек меня в честь той, кем и чем мне предстояло стать.

Меня, своего первенца, отец любил больше всех. Знаю, так говорят все дети, но у нас с ним в самом деле была особенно тесная связь. Первые пять лет жизни я оставалась единственным ребенком и очень хотела братика или сестричку, с которыми могла бы

играть. Но в то же время понимала, что, когда кто-нибудь появится, мне придется делить с ним родителей, а этого мне ни за что на свете не хотелось бы.

Когда отец бывал дома, я подолгу сидела рядом с ним, слушая его истории. Он рассказывал мне о нашем племени, загава, или о нашей семье, происходящей от древнего рода вождей. Еще он рассказывал мне о своем занятии — покупке и продаже скота, коз и верблюдов — и о разъездах по пустыням и горам Дарфура.

Однажды, когда я была совсем маленькой, мы лежали на циновках у огня посреди двора. В каждом углу нашего обнесенного изгородью участка стояла округлая глинобитная хижина, крытая соломой: одна для женщин, одна для мужчин, одна для моих родителей и одна для гостей. А в центре был деревянный навес с соломенной крышей. Под ним мы собирались всякий вечер, нежились у огня, смотрели на яркие звезды и разговаривали, разговаривали и смеялись.

Отец играл со мной в игру, похожую на «сороку-воровку», в которую европейцы играют со своими детьми. Он брал мою левую руку в свою и чертил на ладошке кружок.

— Тут живет верблюд, — объявлял он, глядя мне в глаза. Затем очерчивал такой же рисунок у меня на предплечье: — Тут живет корова, — затем выше: — Тут живет овечка...

Конечно, мы много раз уже так играли, и я знала, что будет дальше. Я хихикала, пыталась вырвать руку и убежать.

— Тут живет курица... — продолжал он, рисуя курятник у меня на плече. И затем, пока я отчаянно

пыталась свернуться в клубочек, делал выпад в сторону моей подмышки: — А тут кто живет?!

Мы покатывались со смеху, пока он щекотал меня, а я отбивалась от него. Устав от игры, мы растягивались на циновках, растворяясь мыслями в темном ночном небе.

— Ты — моя любимая доченька, — бормотал отец, глядя меня по волосам. — Ты принесла огромную удачу нашей семье.

— А почему я приношу такую удачу, абба? — спрашивала я.

*Абба* — это «папа» на нашем языке загава. А я как раз была в том возрасте, когда постоянно хочется все знать.

Отец рассказал мне о празднике моего именина-речения. В нашем племени имя ребенка должно быть объявлено в течение семи дней от рождения. Мама и отец были так горды своим первенцем, что пригласили на праздник всех без исключения. Отец считался довольно зажиточным человеком в нашей деревне, поскольку владел множеством скота, овец и коз и десятками ценных верблюдов. Для того чтобы приготовить пир на всю деревню, он забил нескольких животных.

Мама отдыхала после родов — по традиции, ей полагалось лежать сорок дней. Посему моя грозная бабуля Сумах позвала нескольких деревенских женщин помочь с готовкой. Там были подносы, на которых высились горы *кисры* — плоских лепешек из сорго, испеченных на металлическом листе над открытым огнем. Там были чаны с льющейся через край *асидой* — густой кукурузной кашей. Там были миски с горами свежего салата, приправленного